

DOI 10.15393/j9.art.2015.3445

УДК 821.161.1.09“18”-32

Оксана Александровна Сосновская*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

ОБРАЗ И ПРОТОТИП В ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «В НОВУЮ ЖИЗНЬ»*

Аннотация. И. С. Шмелев начинал свой путь в литературу как детский писатель, печатался в таких изданиях для юношества как «Родник» и «Юная Россия». В статье анализируется поэтика повести Шмелева «В новую жизнь» — одного из ранних произведений Шмелева. Сюжетные мотивы ранней прозы писателя зачастую повторяются, перекликаются друг с другом. Мотив «заветной встречи» ребенка со взрослым, становящимся для него наставником и помощником в выборе им своего жизненного пути, — один из таких повторяющихся мотивов. Статья посвящена сопоставительному анализу одного из центральных образов повести «В новую жизнь» профессора В. В. Фрязина, ставшего наставником для главного героя, и его реального прототипа К. А. Тимирязева. Сравнительный анализ ведется как на уровне биографических данных, так и на уровне текстуальных переключек с трудами и идеями Тимирязева. Аналитическим материалом для статьи послужила опубликованная в 1907 году повесть «В новую жизнь». Исследование рукописных материалов к повести, хранящихся в фонде Шмелева Российской государственной библиотеки, позволяет полнее отобразить взаимосвязь между художественным образом и его прототипом.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, К. А. Тимирязев, «Жизнь растений», образ, прототип, цитация, аллюзия

Свой путь в литературу Иван Сергеевич Шмелев начинал на рубеже XIX–XX веков преимущественно как детский писатель. В 1900-е годы он активно публиковался в таких изданиях для детей и юношества, как «Родник» и «Юная Россия». Сюжетные мотивы его ранней прозы зачастую повторяются, перекликаются друг с другом. Одним из таких мотивов является мотив «заветной встречи»¹. Большое количество произведений, написанных Шмелевым для детей, в своей сюжетной основе содержат рассказ о встрече ребенка со взрослым человеком («Служители правды», «Полочка»,

«Светлая страница» и др.), сыгравшей важную роль в самоопределении героя, в формировании его мировоззрения. Пара «взрослый» — «ребенок» присутствует почти во всех детских произведениях И. С. Шмелева. Как правило, «взрослый» становится наставником для юного героя (см.: [2], [7], [8], [10], [11], [12, 16]).

В конце XIX века в русском обществе одним из таких наставников воспринимался профессор К. А. Тимирязев. Шмелев был увлечен трудами Тимирязева и, учась на юридическом факультете Московского университета, посещал лекции и занятия известного ботаника.

Вот как описывает студенческие годы Ивана Сергеевича племянница жены писателя и его биограф, Ю. А. Кутырина:

Шмелев был на юридическом факультете в Москве, но посещал редко лекции своего факультета и ограничивался главным образом сдачей требуемых экзаменов. Он работал напряженно духовно. После своих занятий в университете, он чувствовал, что он стал другим, что он должен что-либо делать: читать, думать, работать.

Во время своих занятий, Шмелев посещал лекции профессоров и других факультетов, как Ключевского, Веселовского, и особенно проф. Тимирязева, труд которого “Жизнь растений” ему особенно нравился. Интересуясь естественными науками, он главным образом занимался русской литературой [5, 244–245].

Книга выдающегося физиолога «Жизнь растений» вдохновила писателя, стала источником идей и художественных образов для многих его произведений. Закономерно, что и сам Климент Аркадьевич Тимирязев стал прототипом образа профессора Василия Васильевича Фрязина в программной повести Шмелева «В новую жизнь».

Впервые повесть была опубликована в 1907 году в «Издании редакции журналов “Юная Россия” и “Педагогический листок”» Д. И. Тихомирова. При жизни Шмелева она переиздавалась в 1918 и 1923 годах.

Сохранившиеся черновики позволяют проследить за основными этапами процесса создания повести, которая из очерка о деревенской жизни вырастает в повесть-«одиссею» деревенского мальчишки [11, 37], вынужденного бросить горячо любимую им деревню и работать за гроши в чуждом

ему городе. Работа над повестью продолжалась довольно длительный период. Первая редакция, жанр которой автор определил как «очерк», появилась еще в 1899 году. Следующий этап работы происходил с октября 1906 по февраль 1907 года, о чем свидетельствуют пометы на листах 1 и 69 рукописи². В соответствии с новой художественной задачей, предполагающей сюжетные, тематические и образные изменения, свое внимание Шмелев концентрирует на главном герое — Сене, который из второстепенного персонажа очерка становится главным действующим лицом повести. В системе персонажей появляется новый образ — профессор Фрязин, ставший для главного героя наставником, который помогает ему из забитого мальчишки превратиться в знающего цель своей жизни человека.

Указанием на взаимосвязь образа профессора Василия Васильевича Фрязина и Климента Аркадьевича Тимирязева служат текстуальные и биографические данные.

Уже при первом знакомстве читателя с образом обнаруживается его близость к реальному прототипу. Окончательная редакция дает нам следующее описание деятельности профессора:

Василій Васильевичъ Фрязинъ, профессоръ ботаники, былъ знатокомъ физиологіи растеній. Онъ посвятилъ себя изученію условій жизни растительнаго царства: какъ и чѣмъ питается растеніе, растетъ, размножается, какое вліяніе оказываетъ на растеніе свѣтъ, теплота, тотъ или другой составъ почвы. Его изслѣдованія въ этой области были поразительны. И, что самое важное, онъ не довольствовался лишь накопленіемъ и лабораторнымъ изученіемъ добытыхъ результатовъ: силою своего могучаго таланта, онъ умѣлъ ознакомить съ ними самые широкіе круги общества, примѣнялъ ихъ на практикѣ. Поднять продуктивность земли, дать громадной массѣ народа средства воспринять результаты многихъ лѣтъ кабинетной работы, заставить вѣрить въ науку — было его завѣтной мечтой. <...> онъ служилъ важнѣйшему вопросу челоувѣчества — вопросу питанія. Голодь, этотъ страшный бичъ, губящій сотни тысячъ людей, принижающій ихъ, — былъ однимъ изъ ужаснѣйшихъ золъ, съ которыми призвана бороться наука.

И эта наука имѣла въ Василіи Васильевичѣ одного изъ славныхъ своихъ представителей³.

В коротком отрывке, содержащем описание образа профессора, отражены как мировоззренческие ценности Тимирязева, так и основные направления его научной деятельности.

Несмотря на отсутствие в Окончательной редакции повести пространной портретной характеристики профессора, Шмелев посредством нескольких устойчивых эпитетов («стройная, худощавая фигура» (1907, 101), «голова съ красивымъ лбомъ» (1907, 122), «вдумчивый взглядъ» (1907, 99)) емко и выразительно описывает важные, по его мнению, стороны художественного образа. Уже в этих эпитетах узнаются черты внешности К. А. Тимирязева. Более детальное изображение внешности персонажа, имеющееся в первом слое правки чернового автографа, еще более роднит персонаж с его прототипом:

Это былъ человѣкъ лѣтъ 45⁴, высокаго роста, сухощавый⁵. Маленькая остренькая бородка⁶ и прищуренные глаза придавали его лицу серьезность и озабоченность... (ЧА, 45 об.)

Внешнее сходство образа и прототипа подтверждает художественное описание К. А. Тимирязева, встречающееся у современника Шмелева В. Г. Короленко, который в 1874–1876 годах проходил курс в Петровской академии и являлся в том числе студентом Тимирязева. Короленко описывал Климента Аркадьевича дважды. В своих воспоминаниях «История моего современника» он оставил нам следующую литературную зарисовку Тимирязева-преподавателя:

Высокий, худощавый блондин с прекрасными большими глазами, еще молодой, подвижный и нервный, он был как-то по-своему изящен во всем⁷.

Климент Аркадьевич узнается у Короленко и в образе профессора Изборского (рассказ «С двух сторон»):

Профессор Изборский был очень худощав, с тонким, выразительным лицом и прекрасными, большими серыми глазами. Они постоянно лучились каким-то особенным, подвижным, перебегающим блеском. И в них рядом с мыслью светилась привлекательная, почти детская наивность (3, 79).

И сам Тимирязев узнал себя в прототипе, отметив в шуточной надписи на книге «Жизнь растений», которую подарил своему ученику: «Дорогому, глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко от сердечно признательно-го “Изборского”» (4, 688).

Более пространными и репрезентативными являются авторские характеристики вербального проявления героя:

Всегда спокойный, скупой на слова, — этот человек преобразился. Его близорукие глаза блестели, всегда ровный голос дрожал, приобрел силу и звучность (1907, 104).

Шмелев, описывая речь профессора, указывает на некий «переломный момент», после которого происходит изменение голоса героя: «спокойный» и «сухой» голос становится «звучным» и «резким». Подобное вербальное поведение сближает художественный образ с его прототипом.

В. Г. Короленко также упоминает о подобной перемене в голосе К. А. Тимирязева во время чтения им лекций:

Говорил он сначала неважно, порой тянул и заикался. Но когда воодушевлялся, что случалось особенно на лекциях по физиологии растений, то все недостатки речи исчезали, и он совершенно овладевал аудиторией (4, 467).

Изменение голоса профессора происходит в повести во время лекции в Историческом музее. Среди вариантов названия лекции в рукописи упоминаются «Земледѣліе и наука» и «Земля и наука», еще одно «Наука и хлѣбъ».

Громадный залъ, съ расположенными амфитеатромъ скамьями, былъ переполненъ. Плата была доступная, день праздничный; стояли даже въ проходахъ. Было много студентовъ и гимназистовъ; въ заднихъ рядахъ было много слушателей изъ народа, привлеченныхъ интересной лекціей: «Наука и хлѣбъ» (1907, 101).

Общеизвестен факт, что в 1876 году в большой аудитории Московского музея прикладных знаний (ныне Политехнический музей) Тимирязев прочитал десять популярных лекций об анатомии и физиологии растений, которые стали основой научно-популярного труда «Жизнь растений», вышедшего в 1878 году. В Историческом музее в Москве он

также читал лекцию «Физиология растений как основа рационального земледелия» 15 марта 1897 года. Все выступления ученого пользовались огромной популярностью, аудитории были переполнены. Климента Аркадьевича готовы были слушать даже стоя.

Лекция профессора совершает окончательный перелом в душе Сени, и «страшная жажда знать и знать все», возникшая ранее в его душе, «была удовлетворена» (1907, 125). Авторская помета на полях чернового автографа указывает на стремление Шмелева сделать данную сцену кульминационным центром повести: «...лекція дѣлаеть переломъ въ Сенѣ. Она опредѣляетъ его дальнѣйшую работу, цѣль» (ЧА, 50).

Климент Аркадьевич, будучи преподавателем, точно также «заражал» этой «жаждой знать» своих студентов, горячо любивших Тимирязева и как преподавателя, и как человека. Один из его студентов, Л. С. Цетлин, вспоминает:

У всякого, кто имел счастье учиться у Климента Аркадьевича, слушать его лекции и особенно бывать на практических занятиях, общение с ним оставляло самые светлые воспоминания на всю жизнь. Его аудитория всегда переполнена, в нее стекались слушатели разных факультетов, хотя он не блистал ораторским искусством. <...> После лекций или практических занятий у Тимирязева студенты расходились полные веры в науку и в самих себя, любви к родной стране, полные уверенности в торжество истины и справедливости (цит. по: [6, 43]).

Высказывание других его учеников дополняет и без того яркую картину:

Ваша личность была для нас примером того, как нужно жить. <...> В настоящее время Вы служите для юношества высочайшим образцом подражания, Вы воспитываете его своим личным примером⁸.

Отношение к великому ученому как его студентов, так и других его современников созвучно отношению героев повести Шмелева к профессору Фрязину. Так, Сеня называл его «своим» профессором, который «былъ въ его глазахъ магомъ и волшебникомъ» (ЧА, 47 об.), студенты, направившие Сеню на службу к Фрязину — «чуднымъ человѣкомъ» (1907,

94), Кирилл Семеныч, простой рабочий, прочитавший книгу профессора, — «геніемъ» (ЧА, 49 об.).

В сцене приглашения на лекцию, имеющейся в первом слое правки чернового автографа, словами Кирилла Семеныча, взволнованного и восхищенного только что прочитанной книгой профессора, кратко излагаются основные принципы научной деятельности Тимирязева:

Какъ твоего професс<ора> звать — Фрязинъ? Ну вотъ... — Ты знаешь кто онъ такой?.. нѣтъ?.. Ну, я тебѣ скажу... Геній онъ!.. понимаешь геній!..

Сеня удивл<енно> см<отрѣлъ> на Кир<илла> Сем<е-ныча>...

— Онъ весь міръ спасетъ!.. Вѣрно!.. Вотъ его книжку купилъ!.. 40 коп. стоитъ... Что за голова!.. Духъ захватываетъ...⁹ Скоро, говор<ить>, изъ одного зерна сто можно буд<еть> получить... Господи!.. какъ написалъ... Чудеса!.. И не буд<еть> говор<ить> тогда человѣкъ лить потъ на свою ниву и получать терніи и волчцы, и не буд<еть> земля-матушка давать тощій колосъ!.. И нужно говор<ить> для этого знанія, и просвѣщеніе. И наука уже скоро все разрѣшитъ, но... Сеня слушалъ и глаза его горѣли отъ сознанія, что это говор<иль> его <выделено Шмелевым. — О. С.> профессоръ, Вас<илий> Вас<ильевичъ>, котор<аго> онъ видитъ кажд<ый> день.

— Но... только — прод<олжалъ> Кир<иллъ> Сем<е-нычъ> — для этого нужно... какъ это онъ сказалъ то... какъ? это... Кир<иллъ> Сем<енычъ> раскрылъ книгу, поискалъ и прочелъ... свѣтъ знанія... (ЧА, 49 об.).

Значительная часть лекции профессора посвящена роли солнца в жизни человечества. Образ солнца в повести несет ярко выраженный аллюзивный смысл. Аллюзии и даже почти прямые цитации из «настойной книги» [4, 409] только что окончившего университет И. С. Шмелева — «Жизнь растений» К. А. Тимирязева — несут схожую смысловую нагрузку. Главного героя, Сеню, с детства учил бескорыстной любви к «родимому» солнцу и земле дед Савелий. Встреча с профессором Фрязиным меняет отношение главного героя к солнцу, представляя его великим источником силы, лучи которого «падаютъ на землю и не пропадаютъ» (ЧА, 50 об.).

Сложнейший процесс фотосинтеза описан в «Жизни растений» следующим образом:

Когда-то, где-то на землю упал луч солнца, но он упал не на бесплодную почву, он упал на зеленую былинку пшеничного ростка, или, лучше сказать, на хлорофилловое зерно. Ударяясь о него, он потух, перестал быть светом, но не исчез. Он только затратился на внутреннюю работу¹⁰.

Солнце из простого «источника радостного приятия бытия» [1, 87] превращается в «особый» и «важный предмет». После знакомства с Фрязиным и его работой, оно в понимании героя «вошло въ связь съ диковинной комнатой и профессоромъ, съ банками и приборами, вошло въ связь съ Хворовкой: точно невидимыя нити протянулись изъ этой комнаты и отъ солнца къ полямъ “Хворовки”, къ тощимъ полоскамъ ржи <...> и дѣду Савелію» (1907, 96–97).

И как солнце проливает свет на землю, так и профессор «пролил свет» на значение небесного светила для земли, для растений и для человека. Кирилл Семеныч говорит о профессоре: «...какъ солнце свѣтитъ» (ЧА, 60). Таким же «светом» был и Тимирязев как для огромного количества студентов, так и в целом для науки. Академик И. П. Павлов уподоблял личность и труды известного физиолога «солнечному свету — объекту основных исследований Тимирязева» (цит. по: [3, 27]):

Климент Аркадьевич сам, как и горячо любимые им растения, всю жизнь стремился к свету, запасая в себе сокровища ума и высшей правды, и сам был источником света для многих поколений, стремившихся к свету и знанию и искавших тепла и правды в суровых условиях жизни (цит. по: [3, 53]).

Важную роль как в повести Шмелева, так и в трудах Тимирязева, играет оппозиция «свет—тьма», одним из оттенков смысла которой является антитетическое противопоставление света знаний и тьмы незнания.

— Темнота!.. — вотъ врагъ народа, причина его нищеты, голода, страданій. Какъ солнечный лучъ питаетъ растеніе, дасть ему жизнь, тянетъ его изъ черной земли, — такъ и народу нуженъ лучъ просвѣщенія!.. (1907, 103)

Эта оппозиция позволяет автору выразить главную мысль как о возможности «новой жизни», так и о способе ее достижения более ярко.

Новый міръ открылся Сенѣ — міръ людей науки и знанія.¹¹ И съ кажд<ымъ> днемъ этотъ міръ становился ему вѣрнѣе и милѣе; съ кажд<ымъ> днемъ онъ открывалъ въ эт<омъ> мірѣ новыя черты. <...>

Вас<илий> Вас<илиевичъ> б<ыль> занять цѣлый день и отним<аль> отъ себя часть ночи... Онъ заботился не только о тѣхъ, что живутъ теперь, онъ работ<аль> для будущихъ, отыскивая тайны природы, добывая средства облегчить и улучшить жизнь (ЧА, 48).

Эмоции и чувства, связанные с людьми науки, людьми думающими, людьми, любящими книгу, представлены автором в восторженном свете. Книга — это и «духовная пища» (ЧА, 16), и то, что дарует «свѣтъ знанія» (ЧА, 17 об., 49 об.): «читай и постигнешь» (ЧА, 16 об.).

Необходимость образования, «школы» Тимирязев считал одним из самых важных факторов изменения жизни простого человека к лучшему. Туже мысль выражает и И. С. Шмелев на страницах своей повести. Срав.:

Лекция Тимирязева «Физиология растений как основа рационального земледелия», прочитанная им в Историческом Музее:

Школа, всем доступная и сильная всеобщим к ней сочувствием, — вот та «причина или часть причины», которая приносит на полях датского крестьянина урожай, о котором не смеет и помыслить наш крестьянин¹².

Эпизод лекции в повести «В новую жизнь»

...задача нашей науки — дать хлѣбъ, и мы дадимъ этотъ хлѣбъ!.. Пусть же идутъ къ народу и несутъ къ нему знанія, строятъ школы, заводятъ образцовыя хозяйства, примѣромъ покажутъ то новое, что открыла наша наука, — и, главное, — пусть вложить въ простыя сердца вѣру въ науку, и тогда... тогда не будутъ наши поля обжигаться солнцемъ, и пахарь не будетъ уныло глядѣть на свое пустынное поле (1907, 103).

Тимирязев был одним из первых преподавателей, кто показывал на своих лекциях, в том числе публичных, разнообразные блестяще поставленные опыты. Тимирязев «не

только сам тщательно готовился к лекционным опытам, но и приучал своего ассистента и лаборанта заранее продумать каждую деталь эксперимента, чтобы исключить возможность каких-либо неудач» [9, 101]. Герой-ученый в повести И. С. Шмелева также прибегает к помощи опытов, чтобы сделать свою лекцию более интересной и доступной для слушателей.

В Окончательной редакции повести сообщается о намерении профессора показывать опыты в процессе лекции: «Внизу, на эстрадѣ, стоялъ длинный столъ съ приборами для опытовъ» (1907, 101). В черновых материалах к произведению есть сцена, когда профессор вместе с Сеней готовятся к опытам накануне:

...вечеромъ, профессоръ сказалъ Сенѣ — завтра я возьму тебя, на лекцію... Ты буд^ешь помогать мнѣ при опытахъ... Главное, не смущайся. На меня буд^етъ смотрѣть много народа. — Ну, мож^ешь повторить то, что завтра будемъ показывать публикѣ.

¹³И они проработали¹⁴ до глубокой ночи (ЧА, 49–49 об.).

Многие явления из области физиологии Тимирязев демонстрировал при помощи сциоптика, «т. е. усовершенствованного волшебного фонаря»¹⁵. Герой повести, профессор Фрязин, также пользуется упомянутым прибором: «На задней стѣнѣ помѣщался экранъ для волшебного фонаря» (1907, 101).

К. А. Тимирязев, будучи энциклопедически образованным человеком, свои публичные выступления и лекции часто дополнял различными литературными аллюзиями и цитатами. Так, в лекции «Наука и земледелец» ученый, обосновывая необходимость развития и популяризации науки о растениях, цитирует произведение Дж. Свифта «Путешествие Гулливера»:

Всякий, кто сумел вырастить два колоса там, где прежде рос один, две былинки травы, где росла одна, заслужил бы благодарность всего человечества, оказал бы услугу своей стране более, чем все отродие политиканов, взятое вместе¹⁶.

В повести Шмелева слова профессора Фрязина звучат в унисон цитате, употребленной Тимирязевым:

...пусть вложить въ простыя сердца вѣру въ науку и тогда, и тогда не будутъ наши поля обжигаться солнцемъ, не буд<уть> торчать на нихъ одинокія колоски (ЧА, 51).

Создавая образ профессора Фрязина, Шмелев намеренно ориентируется на образ реального и очень популярного в те времена ботаника К. А. Тимирязева. Только что вернувшийся в литературу писатель, стремившийся к «новой жизни», верящий в нее, выражал свои художественные переживания посредством повествования «о благородных людях, стремящихся к “высокой цели”» [5, 247]. Таким «благородным» человеком, безусловно, являлся К. А. Тимирязев, вселявший во многих своих современников жажду знаний, любовь к природе, науке, растениям. Для И. С. Шмелева «“Жизнь растений” Тимирязева стала настольной книгой <...> и любовь к растениям расцвела и осветила много страниц в его творчестве» [4, 409]. Описанные «переключки» с трудами Тимирязева, узнаваемые идеи известного ученого, художественно переработанные и представленные в повествовании цитациями, аллюзиями, неразрывно сближают повесть «В новую жизнь» и «Жизнь растений» Тимирязева.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ «Заветная встреча» — название статьи И. С. Шмелева в столетнюю годовщину смерти Пушкина.

² Шмелев И. С. В новую жизнь. Черновой автограф // НИОР РГБ. Ф. 387.1.13. Л. 1, 69. Далее ссылки на этот источник приводятся с использованием сокращения (ЧА) и указанием номера листа в круглых скобках.

³ Шмелев И. С. Въ новую жизнь. М.: Изданіе редакціи журналовъ «Юная Россія» и «Педагогическій листокъ», 1907. С. 7–8. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года издания и страницы в круглых скобках.

⁴ Было: 50 — исправлено автором: 45

⁵ *Было: а. съ маленькой уже порѣдѣвшей б. гладко [с] съ подстриженными [расчес.] на проборъ волос. — исправлено автором: высок<аго> роста*

⁶ *Далее было: а. въ в б. т. наз. эспаньолка*

⁷ Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Л.: Худож. лит., 1990. Т. 4. С. 467. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁸ Публикация Музея К. А. Тимирязева. К. А. Тимирязев как профессор в оценке учеников // Вестник высшей школы. — 1951. № 11. С. 54.

⁹ *Далее было начато: Из*

¹⁰ Тимирязев К. А. Жизнь растений. Л.: Молодая гвардия, 1950. С. 360.

¹¹ *Вместо точки было: и. Далее было: Эти люди*

¹² Тимирязев К. А. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1957. Т. I. С. 256.

¹³ *Далее было: И*

¹⁴ *Было: занялись — исправлено автором: проработали*

¹⁵ Тимирязев К. А. Жизнь растений. Л.: Молодая гвардия, 1950. С. 145.

¹⁶ Тимирязев К. А. Избранные сочинения: в 4 т. М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1948. Т. II. С. 20.

Список литературы

1. Дзыга Я. О. Образ солнца в творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Казанского университета. — 2011. — Т. 153. — Кн. 2. — С. 86–96.
2. Еременко Л. И. Поэтика рассказов И. С. Шмелева: учебное пособие. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. — 104 с.
3. Комаров В. Л. Жизнь и творчество Климента Аркадьевича Тимирязева // Тимирязев К. А. Избранные сочинения: в 2 т. — М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1957. — Т. I. — С. 7–60.
4. Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелев (Биографический очерк, составленный Ю. Кутыриной) // Ив. Шмелев. Избранные рассказы. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 405–412.
5. Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелев (Краткий очерк жизни и творческий путь) // Ив. Шмелев. Солдаты. — Париж: Издание Русского научного института при Русской Академической группе в Париже, 1962. С. 238–256.

6. Лишевский В. П. Ученые — популяризаторы науки. — М.: Знание, 1987. — 141 с.
7. Руднева Е. Г. Магия словесного разнообразия (о стилистике И. С. Шмелева) // Филологические науки. — 2002. — № 4. — С. 60—65.
8. Руднева Е. Г. Поэзия и поэтика детства в творчестве И. С. Шмелева // Русская словесность. — 2008. — № 6. — С. 20—22.
9. Ситанская И. Ю. Опыт педагогической деятельности К. А. Тимирязева // Образование и общество. — 2009. — № 6 (59). — С. 97—102.
10. Сорокина О. Н. Московянина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. — Москва: Московский рабочий, Скифы, 1994. — 400 с.
11. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. — Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей. — 1995. — 344 с.
12. Черников А. П. «Светлое царство Русское». Повесть И. С. Шмелева «Ростани» как художественный комментарий к изучению драмы А. Н. Островского «Гроза» // Литература в школе. — 2013. — № 9. — С. 13—16.

Oksana A. Sosnovskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sosna2679@yandex.ru*

THE IMAGE AND PROTOTYPE IN SHMELEV'S SHORT NOVEL "TOWARD A NEW LIFE"

Abstract. I. S. Shmelev began his literary career as a children's writer, his works were published in such publications for young people as "Spring" and "Young Russia". The article deals with Shmelev's short novel "Toward a new life", one of his earliest works. Scene motives of early writer's prose are often repeated, aligned with each other. The motif of a "cherished meeting" of the a child with an adult, who becomes a mentor and assistant of the latter in choosing his way of life, is one of those recurring motifs. The article is devoted to comparative analysis of one of the central images of the story "Toward a new life" — Professor V. V. Fryazin, who became a mentor of the main character, and his real prototype K. A. Timiryazev. Comparative analysis is conducted both at the level of biographical data, and at the level of textual echoes with the writings and ideas of Timiryazev. The analytical material for the article was the short novel "Toward a new life" published in 1907. The study of its manuscripts kept in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library allows us to show better the relationship between the artistic image and its prototype.

Keywords: Shmelev, Timiryazev, a real prototype, citation, allusion, “Life of Plants”

References

1. Dziga Ya. O. *Obraz solntsa v tvorchestve I. S. Shmeleva i K. D. Bal'monta* [The image of the sun in the works of I. S. Shmelev and K. D. Balmont]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. 2011, vol. 153, book 2, pp. 86–96.
2. Eremenko L. I. *Poetika rasskazov I. S. Shmeleva: uchebnoe posobie* [Poetics of Shmelev: a tutorial]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. 104 p.
3. Komarov V. L. *Zhizn' i tvorchestvo Klimenta Arkad'evicha Timiryazeva* [Life and Works of Kliment Timiryazev]. *Timiryazev K. A. Izbrannye sochineniya: v 2 tomakh* [Timiryazev K. A. Selected works in 2 vols.]. Moscow, Agricultural literature State Publ., 1957, vol. 1, pp. 7–60.
4. Kutyrina Y. A. *Ivan Sergeevich Shmelev (Biograficheskiy ocherk, sostavlennyy Yu. Kutyrinoy)* [Ivan Sergeyevich Shmelev (Biographical sketch compiled by Y. Kutyrina)]. *Iv. Shmelev. Izbrannye rasskazy* [I. Shmelev. Selected stories]. New York, Publishing House of Chekhov, 1955, pp. 405–412.
5. Kutyrina Y. A. *Ivan Sergeevich Shmelev (Kratkiy ocherk zhizni i tvorcheskoy put')* [(A short essay on the life and literary career)]. *I. Shmelev. Soldaty* [I. Shmelev. Soldiers]. Paris, Russian scientific institute in the Russian academic group in Paris Publ., 1962, pp. 238–256.
6. Lishevskiy V. P. *Uchenye — populyarizatory nauki* [Scientists as science popularizers]. Moscow, Znanie Publ., 1987. 141 p.
7. Rudneva E. G. «Magiya slovesnogo raznoobraziya» (o stilistike I. S. Shmeleva) [“The magic of verbal diversity” (Shmelev’s style)]. *Filologicheskie nauki* [Philology], 2002, no. 4, pp. 60–65.
8. Rudneva E. G. *Poeziya i poetika detstva v tvorchestve I. S. Shmeleva* [Poetry and poetics of childhood in the works of Shmelev]. *Russkaya slovesnost'*, 2008, no. 6, pp. 20–22.
9. Sitanskaya I. Y. *Opyt pedagogicheskoy deyatel'nosti K. A. Timiryazeva* [Teaching experience of Timiryazev]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], 2009, no. 6 (59), pp. 97–102.
10. Sorokina O. *Moskoviana: Zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [Moskoviana: Life and Work of Ivan Shmelev]. Moscow, Moscow Worker, Scythians Publ., 1994. 400 p.
11. Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [The prose of I. S. Shmelev: the conception of the world and the man]. Kaluga, Kaluga Regional center of professional development for teachers Publ., 1995. 344 p.

12. Chernikov A. P. «Svetloe tsarstvo Russkoe». Povest' I. S. Shmeleva «Rosstani» kak khudozhestvennyy kommentariy k izucheniyu dramy A. N. Ostrovskogo «Groza» [“Bright Kingdom Russian”. Story “Crossroads” by I. S. Shmelev as an artistic commentary on the study of A. N. Ostrovsky’s drama “Thunderstorm”]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2013, no. 9, pp. 13–16.

Дата поступления в редакцию: 30.07.2015